

**НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЯПОНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
ТАЙВАНЯ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО АНАЛИТИКА:
РЕДЖИНАЛЬД КАНН И ЕГО
«ДОКЛАД О ФОРМОЗЕ» (1907)**

Аннотация: Статья впервые в России вводит в научный оборот «Доклад о Формозе» (1907) французского журналиста и военно-политического аналитика Реджинальда Канна (1876–1925), впервые опубликованный на Тайване в 2001 г. (оригинальный текст и перевод на китайский язык). Ранее состоявший военным корреспондентом при японской армии во время русско-японской войны 1904–1905 гг., Канн посетил Тайвань летом 1906 г. по заданию министерств колоний и военно-морского флота Франции с целью сбора сведений о его военно-стратегическом и экономическом потенциале, о методах японской колониальной политики и возможном применении японского опыта во Французском Индокитае. Собранные Канном данные отличались полнотой и достоверностью, хотя японские власти отказались предоставить ему информацию по некоторым темам, прежде всего в военной области. Канн высоко оценил достижения колониальной администрации в сфере экономического развития, «замирения» острова и обеспечения безопасности на нем (прежде всего в сфере санитарии и гигиены). Наряду с этим он отметил репрессивный характер политики в отношении аборигенов и сохраняющиеся недоверие и неприязнь местного населения к новым хозяевам Тайваня.

Ключевые слова: Тайвань (Формоза), колония, колониальная политика, экономический потенциал, безопасность, аборигены.

Vassili E. Molodiakov

**THE BEGINNING OF JAPANESE COLONIZATION
OF TAIWAN AS SEEN BY A FRENCH ANALYST: RÉGINALD
KANN AND HIS “REPORT ON FORMOSA” (1907)**

Abstract: This article presents, for the first time in Russian language, “Report on Formosa” (1907) written by a French journalist and military-political analyst Réginald Kann (1876–1925) and published for the first time in Taiwan at 2001 (French original with Chinese translation). After serving as a war correspondent with the Japanese Army in the Russo-Japanese War of 1904–1905 Kann visited Taiwan in Summer 1906 by the order of French Colonial and Navy Ministries with the mission to collect data on its military strategic and economic potential as well as on methods of Japanese colonial policy and on possible use of Japanese practice in French Indo-China. Data collected by Kann were extensive and reliable even if Japanese administration refused to give him information on some subjects including military matters. Kann highly valued success of colonial administration in the domains of economic development, “pacification” of the island and maintenance of security (first of all in the domain of sanitary and hygiene). Alongside he recognized oppressive character of Japanese policy dealing with native population as well as mistrust and dislike of aborigines in relation to new masters of Taiwan.

Key words: Taiwan (Formosa), colony, colonial policy, economic potential, security, aborigines.

Начальный период японской колонизации Тайваня (Формозы), связанный с пребыванием выдающегося администратора и государственного деятеля Гото Симпэй (1857–1929) на посту гражданского губернатора острова (1898–1906 гг.), сразу при-

влек внимание аналитиков в Японии и за ее пределами. Япония стала первой не-«белой» и не-христианской страной-колонизатором – абсолютное новшество для эпохи, когда колонизаторская деятельность трактовалась как «цивилизаторская миссия», а способными на нее считались только «белые» христианские страны.

К началу японской колонизации Тайваня, полученного в качестве трофея в войне с Китаем 1894–1895 гг., в «белом» мире уже сложились более-менее четкие представления о колонизации и критерии для оценки ее успеха / неуспеха, примером чего может служить хотя бы известный труд американца П. Рейнша «Колониальное управление. Введение в изучение колониальных институтов» [6]. Знали об этом и японцы, внимательно изучавшие опыт европейских держав. Оставалось рассмотреть, насколько политика Японии на Тайване соответствует этим представлениям, и попытаться оценить ее, исходя из принятых критериев.

Успех колониальной политики означал для Японии нечто большее, чем экономические и военно-стратегические выгоды, которые она могла получить от освоения Тайваня, хотя получение этих выгод было главной практической целью колонизации. Не менее важным был пиаровский эффект, поскольку стратегической целью японской элиты после консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868 г.) было сначала признание равенства Японии как современного «цивилизованного» государства с европейскими странами и США, затем вхождение в «клуб великих держав». На рубеже XIX–XX вв. обязательным условием этого было обладание колониями. Благодаря наличию обширных колониальных империй Великобритания и Франция считали себя хозяевами мира. Не тягаясь с ними, Нидерланды, Бельгия, Португалия во многом сохраняли свой статус за счет заморских владений. Потеря колоний Испанией после поражения в войне с США в 1898 г. нанесла по ее международному престижу не меньший удар, чем само поражение. Обладание колониями стало одной из главных внешнеполитических задач Германии и Италии после достижения ими объединения. Россия и Австро-Венгрия не имели заморских владений, но у первой имелся немалый опыт колонизации территорий, населенных не-«белыми» и не-христианскими народами. В этот процесс включилась и Япония (подробнее [8]).

Заложивший основы колониальной политики на Тайване, которому предстояло стать образцом для других будущих японских колоний, Гото не только изучал опыт «великих держав» (включая такого недавнего колонизатора, как Германия), но понимал важность репрезентации успехов японской колонизации как в метрополии (где многие считали ее дорогостоящей, но бесполезной затеей), так и за ее пределами. Неудивительно, что первым официальным подведением итогов освоения Тайваня, в том числе для иностранной аудитории, стал краткий информативный отчет самого Гото [3].

Неофициальным, хотя и вполне официозным подведением итогов первых десяти лет колонизации Тайваня, адресованным широкой публике, стала книга публициста и депутата парламента Такэкоси Ёсабура «Тайвань под японским управлением» (1905). «История нашей страны как колониальной державы начинается с нашего управления Тайванем, успех или неуспех которого должен оказать решающее воздействие на все наши дальнейшие предприятия», – заявил Гото в пре-

дисловии [7, v]. Английский перевод этой книги, вышедший в Лондоне в 1907 г., можно считать началом колониального имиджмейкинга Японии в международном масштабе. Объемистый, насыщенный цифрами и фактами труд Такэкоси, даже при явной ориентации на «историю успехов» и «ответ критикам», стал первой на европейских языках обобщающей работой не только о положении дел на Тайване на рубеже XIX–XX веков, но и о колониальной политике Японии. Сглаживая острые углы, книга не искажала ситуацию в целом, поэтому сохраняет ценность как источник информации, а не только как пиар-акция. Об этом свидетельствует ее переиздание в 1996 г. в Тайбэе.

Сведения о Тайване и его освоении, исходившие от японцев и уделявшие преимущественное внимание их успехам, вызывали у тогдашнего европейского и американского читателя, в целом скептически настроенного относительно способности не-«белых» проводить колониальную политику, сомнения в их полноте и объективности. Главным источником неангажированной информации о положении дел на Тайване при новой власти стали сообщения живших на острове иностранцев – дипломатов, миссионеров, врачей. Ограниченность их возможностей в сборе сведений компенсировалась присутствием на месте, опытом, широким кругом общения, знанием местных обычаев и зачастую языка. Наиболее информированными оставались англичане и американцы, тексты которых в силу общности языка были доступны в обеих странах без перевода.

Продолжали интересоваться Тайванем и французы, особенно с активизацией колониальной политики при Третьей Республике, прежде всего, в Индо-Китае. После установления в 1884 г. протектората над Аннамом и заключения конвенции с Китаем Франция присматривалась к Тайваню. Она даже предложила Японии союз против Китая и помощь в пересмотре неравноправных договоров, но японские правящие круги сделали ставку на Великобританию, от которой главным образом зависел пересмотр. Укрепление Франции на Тайване было невыгодно ни Токио, ни Лондону, так что союз Парижа и Токио, направленный на ослабление Китая, не состоялся. Французская экспедиция на Тайвань и Пескадорские острова во главе с адмиралом А. Курбе в ходе конфликта, а затем войны с Китаем в 1884–1885 гг. окончилась неудачей, показав трудность ведения боевых действий на острове, в том числе из-за заразных болезней (сам Курбе умер там от холеры) [2]. Десять лет спустя, во время войны с Китаем, «Япония учла опыт Франции и не приступала к военным действиям на Тайване», решив добиться его получения дипломатическим путем, «зато предварительно захватила Пескадорские острова» [10, с. 159].

Вместе с Германией и Россией Франция участвовала в «Тройственном вмешательстве» 1895 г. в условия Симоносекского мирного договора между Японией и Китаем. Непосредственного отношения к Тайваню это не имело, но испортило отношения между Парижем и Токио. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Франция выступала союзницей России, Великобритания – союзницей Японии, что не мешало формированию франко-британского «сердечного согласия», направленного против Германии. Сосредоточившись на колонизации Индо-Китая и на защите своих интересов, прав и привилегий в Китае, французы, тем не менее не упускали Тайвань из виду, хотя не имели там дипломатических представителей

(как и Россия – в отличие от Великобритании, Германии, Нидерландов и США). Дополнительным фактором интереса к острову, как и к колониальной политике Токио, можно считать воздействие японской победы над Россией – первой военной победы не-«белых» над «белыми» в масштабе конфликта двух стран – на азиатские народы, прежде всего, на население колоний.

В ноябре 1905 г. министерства колоний и военно-морского флота Франции при участии второго бюро (разведки) генерального штаба армии решили направить на Тайвань эмиссара для сбора сведений и их первичного анализа с особым вниманием к ресурсам и потенциалу острова и к результатам его колонизации. Тайвань рассматривался как «отправная точка и база поддержки любого японского продвижения на юг» [5, с. 131], в том числе в сторону Индо-Китая. Еще одной задачей было изучение методов японской колониальной политики на предмет их возможной применимости в Индо-Китае, где «Франция часто сталкивается с аналогичными проблемами» [5, с. 131].

Миссия, имевшая официальный характер, была поручена не кадровому дипломату или чиновнику, но формально частному лицу – отставному офицеру Реджинальду Канну (Réginald Kann; 1876–1925), выпускнику военной академии Сен-Сир, который стал журналистом, сотрудничал во влиятельных газетах «Le Figaro» и «L'Illustration», а во время русско-японской войны был аккредитован при японской армии. Его «Дневник военного корреспондента на Дальнем Востоке. Япония, Маньчжурия, Корея» (1905) [4] свидетельствовал не только об опыте, энергии и литературных способностях автора, но и о знании им предмета и умении анализировать полученную информацию; этот ценный, но забытый источник заслуживает отдельного исследования. Книга, посвященная «передовой» Японии и ее победе над Россией (в то время союзницей Франции) и написанная в очень уважительном тоне в отношении японской армии, также должна была служить «визитной карточкой» автора для колониальных властей, которые неохотно допускали иностранных визитеров на остров.

Канн посетил остров летом 1906 г., когда в генерал-губернаторстве готовилась «смена караула»: генерал-губернатор Кодама Гэнтаро и гражданский губернатор Гото Симпэй находились в Токио, готовясь занять новые должности (первый вскоре скоропостижно скончался, второй стал президентом акционерной компании Южно-Маньчжурской железной дороги), и на Тайвань уже не вернулись. Несмотря на официальный характер миссии и усилия французского посланника в Японии Жюля Армана (которого Канн знал по пребыванию в Токио в 1904 г.), местные власти не оказали гостю содействия в передвижениях по острову и в осмотре желаемых объектов, неохотно и неполно предоставляли ему запрошенные сведения, на что Канн счел нужным указать особо [5, 132].

По возвращении во Францию он представил подробный «Доклад о Формозе», на основании которого также написал несколько статей о Тайване для специализированных периодических изданий (например, о производстве камфары для «Revue coloniale» в 1909 г.), но сам доклад, сохранившийся во французских архивах, полностью опубликован только в 2001 г. в Тайбэе в оригинале и в переводе на китайский язык. Ограниченный «техническим заданием», Канн решал задачи

служебного, а не пиаровского характера. Доклад не предназначался для публикации, и тем он ценнее как исторический источник, доселе не введенный в научный оборот ни на русском, ни на английском или японском языках.

Первая часть доклада «Общие соображения» [5, с. 137–143] в тезисной форме описывает место Тайваня в японской политике. Отметив его значение как наиболее близкого к материка звена в «длинном ожерелье островов от Сингапура до Татарского пролива, которые отделяют азиатский континент от (Тихого – В. М.) океана», Канн указал на стратегическое значение Тайваня – этот аспект особенно интересовал не только заказчиков, но и его самого – в качестве «естественной базы» для подготовки будущих территориальных захватов и отметил, что Япония развивает порты острова прежде всего в военных целях [5, 138–140]. Против кого? Для автора очевидно, что «давняя мечта однажды изгнать белых из их дальневосточных колоний крепко сидит в душе японцев» [5, с. 139]. Следовательно, в стратегической перспективе японская экспансия может угрожать Индо-Китаю – как и получилось в годы войны на Тихом океане.

От значения острова аналитик перешел к общей оценке сделанного его новыми хозяевами. Признав, что к 1902 г. японцы победили бандитов на ранее освоенной территории и пиратов в прибрежных водах, так что «путешественник может ездить по китайским провинциям Формозы столь же безопасно, как по пригородам Токио» [5, с. 141], Канн констатировал, что из-за исходно неблагоприятного санитарного состояния острова, неприязни местного населения (китайцев и аборигенов) к японцам и нежелания уступать им свои земли, вплоть до непрекращающегося вооруженного сопротивления, первоначальные обширные планы переселенческой политики оказались невыполнимыми. «Эти неудачи вынудили власти изменить программу колонизации и рассматривать Формозу как территорию для освоения, а не для заселения» колонистами из Японии [5, с. 140].

Канн подчеркнул особое значение полиции, которая не только «замирила» Тайвань и поддерживает там безопасность, но остается «главным посредником между властью и местным населением», а также защищает последнее от «дикарей», которые по-прежнему контролируют значительную часть территории острова. Наряду с этим обстоятельством он отметил, что «японские полицейские, по большей части являющиеся выходцами из старинных самурайских семей, презирают крестьян собственной страны, а уж формозских тем более», а потому «единственное чувство, которое они к себе возбуждают, – это страх, лишенный какой бы то ни было симпатии» [5, с. 141–142]. В этой же связи автор указал на развитие японцами начального образования для местного населения (как он признал далее, «результаты превзошли ожидания» [5, с. 203]), но не среднего и, тем более, высшего, которое «может породить у молодого поколения мысли о свободе и неповиновении» [5, с. 144].

Следом за военными и административными проблемами Канн уделил внимание финансовому и экономическому положению острова: министерство колоний в Париже (автор отметил отсутствие аналогичного министерства в Токио [5, с. 170]) интересовалось, стал ли Тайвань ценным приобретением или обузой для Японии. Указав, что «подобно большинству новых колоний Формоза должна столкнуться с

серьезными финансовыми трудностями», Канн отметил, что правительство стремится сократить прямые расходы на финансирование колонии (небольшая численность и скромное денежное содержание местной администрации, выполнение полицейскими многих других функций, вплоть до учителей начальной школы) и по возможности переложить их на местное население с помощью налогов и монополий, а также привлекает частные инвестиции из метрополии [5, с. 142]. Случившийся ранее запланированного перевод Тайваня на самофинансирование – гордость колониальной администрации – Канн не причислил к ее заслугам, но объяснил финансовыми трудностями Японии после войны с Россией, добавив, что «временная приостановка общественных работ, в том числе связанных с обороной, порождает впечатление застоя из-за нехватки денег» [5, с. 143].

Не склонный в данном случае к апологетике Японии, автор признал: «Возникшая у местного населения неприязнь к японцам затмила в его сознании ту огромную пользу, которую они принесли Формозе за первые десять лет своего правления. Благодаря успешно принятым санитарным мерам и созданию медицинской школы для местных жителей частота и масштаб эпидемий значительно уменьшились. Нынешняя безопасность зримо контрастирует с анархией, от которой Формоза страдала во все периоды своей истории. Замирение принесло сельскому хозяйству невиданную доселе стабильность; используемые площади существенно расширились, сельскохозяйственные культуры улучшились за счет внедрения новых сортов. Столь частые в прошлом голодные годы сегодня забыты. Теперь Формозе не только не требуется ввозить из-за границы нужный для пропитания жителей рис, но сама она стала его экспортером. Растет производство самых дорогих продуктов – сахара, камфары и чая, особенно двух последних. Наконец, природные богатства острова – уголь, золото, нефть, сера – разрабатываются с удовлетворительными результатами. Первым следствием освоения японцами ресурсов Формозы стал быстрый рост ее торговли. Но, как это обычно бывает, власти подвергаются критике за то, что слишком озабочены выгодой Японии, зачастую в ущерб местному населению» [5, с. 142–143].

Если экономические и хозяйственные успехи японцев в освоении Тайваня, особенно с учетом кратковременности владения островом, были бесспорны, то общая оценка их «цивилизаторской» политики, данная Канном исходя из тогдашних представлений, была более критической: «С точки зрения просвещения и свобод местного населения новые хозяева не сделали того, чего можно было ожидать от людей с претензиями быть освободителями желтой расы. Они продолжают создавать класс, который живет на Формозе как в завоеванной стране, и ревниво удерживают подданных в положении более бесправном, нежели то, в котором находится местное население почти во всех остальных колониях Дальнего Востока» [5, с. 144]. Последнее утверждение нуждается в проверке, поскольку в нем видно предвзятое отношение «белого» автора к претензиям не-«белых» колонизаторов.

Часть вторая доклада «Исторический обзор» состоит из глав «Формоза до японского завоевания» [5, 146–150], «Завоевание Формозы японцами» [5, с. 150–154], «Подавление бандитизма» [5, с. 154–160], «Отношения с аборигенами» [5, с. 160–165]. Насыщенный фактами, датами и статистическими данными, narra-

тив Канна весьма точен и объективен; для своего времени он имел несомненную ценность, но на сегодняшний день утратил значение как источник новой информации.

Автор справедливо отметил, что ситуация на острове улучшилась только с назначением на пост генерал-губернатора Кодама Гэнтаро в 1898 г., который в отличие от предшественников (особенно Кабаяма Сукэнори и Ноги Марэсукэ) не стремился отвечать жестокостью на жестокость, но положил в основу поддержания безопасности и борьбы с бандитами систему круговой поруки *хоко* среди местного населения и централизацию полиции. Частным, но зримым показателем успеха в «замирении» острова при администрации Кодама-Гото Канн считал резкое сокращение количества смертных приговоров, вынесенных местными судами прежде всего за бандитизм: 1012 в 1901 г., 587 в 1902 г., 125 в 1903 г., 33 в 1904 г. и 11 в 1905 г. [5, с. 160].

Часть третья доклада «Политическая и административная организация» содержит главы «Генерал-губернаторство, центральная и местная администрация, территориальное деление» [5, с. 168–178], «Правосудие, тюрьмы и полиция» [5, с. 179–188], «Финансы» [5, с. 188–196], «Общественное образование» [5, с. 196–203], «Общественные работы» [5, с. 204–212], «Торговля» [5, с. 212–218], «Сельское хозяйство и промышленность» [5, с. 218–224], «Население. Общественная гигиена» [5, с. 224–232], «Оборона» [5, с. 232–234]. Последний раздел получился самым коротким из-за максимальной засекреченности сведений, на что особо указал автор. Пересказывать эту часть нет необходимости: Канн следовал правилу «только факты», используя доступные ему статистические материалы, а основные оценки по существу уже дал в разделе «Общие соображения». Следует однако указать на некоторые его наблюдения и выводы, которые могут быть полезны при дальнейшем исследовании конкретных вопросов.

Серьезным источником трений и конфликтов между колониальными властями и местным населением было не критическое применение японского законодательства в условиях, существенно отличавшихся от метрополии, к тому же при нехватке квалифицированных кадров. В основу разработки колониальной политики Гото и его сотрудники положили не только понимание политических и экономических задач и целей Японии, но специфику местных условий и особенности «старой системы» (подробнее [1, с. 19–20; 9, с. 8–9]). Не отступая в главном от японского права, введение которого входило в долгосрочные задачи колониальной политики, они отчасти приспособили его применение к местным условиям, прежде всего в отношении прав собственности и наследования, пока колония не получит собственное, детально разработанное законодательство [5, с. 179].

Канн особо отметил совершенство пенитенциарной системы Тайваня, назвав местные тюрьмы «лучшими во всей Японской империи», особенно по контрасту с прежними китайскими, входившими в комплекс *ямэнь* [5, с. 185]. Местные власти крайне неохотно показывали иностранцам даже «передовые» места заключения, так что из текста доклада не ясно, видел ли Канн их своими глазами или нет. Однако через 15 лет после него американский путешественник П. Бигелоу осмотрел тюрьму в Тайтю (совр. Тайчжун), «где имеется все, что может порекомендовать просвещен-

ный пенолог», и оставил о ней развернутый восторженный отзыв [1, с. 113–116].

Коснувшись болезненной в политическом и пиаровском отношении проблемы опиекурения, Канн указал, что введенная японцами монополия на производство и продажу опиума (Гото выступал ее сторонником и как врач, и как администратор [9, с. 33–34, 89–100]) направлена на сокращение его употребления, поскольку реализация полного запрета была обоснованно признана невозможной. Автор однако отметил, что существенные доходы от продажи опиума подвигли власти на смягчение режима доступа к нему местного населения (японцы опиум не курили) ради пополнения казны [5, с. 192–194].

Детально анализируя экономическое положение острова, Канн сделал вывод: «За десять лет экспорт и импорт выросли почти вдвое. Это хороший результат, но он мог бы быть лучше, если бы власти не проводили торговую политику исключительно в интересах метрополии за счет других стран и самой колонии» [5, с. 213]. Однако трудно было ожидать другого.

По мнению Канна, «японцы, несмотря на умеренность и выносливость, не могут конкурировать с местными крестьянами», а «как коммерсанты уступают китайцам» с материка, поэтому «основное японское население живет в главных городах, будучи по большей части служащими, а также торговцами, ремесленниками и рабочими» [5, с. 226]. Вторая часть этого утверждения подкреплена статистическими данными; первую пишущий эти строки не берется оценивать.

Четвертая и пятая части доклада «Сельскохозяйственная продукция» [5, с. 237–293] и «Полезные ископаемые» [5, с. 295–323] насыщены фактическим материалом, но содержат минимум оценок; пересказывать их здесь мы не будем. Основанные на официальной статистике, они свидетельствуют об успехах японцев в экономическом и хозяйственном освоении острова. Изложение автор подкрепил статистическими данными, сведенными в шесть таблиц [5, с. 325–333].

Благодаря «случайности в расписании пароходов», Канн на несколько часов заехал на Пескадорские острова – главную военную базу колонии и «стратегическую зону», куда иностранцев старались не пускать, несмотря на отсутствие формального запрета. Была ли это действительно «случайность» или нет, последствия не заставили себя ждать: «По возвращении в Тайхоку я столкнулся с еще более холодным приемом и был вынужден сократить свое пребывание» на острове [5, с. 132].

Как оценить сегодня «Доклад о Формозе»? Автор настоящей работы не проверял использованные в нем цифры, а приводимые фактические данные не противоречат тому, что мы знаем из других источников, – разница в их оценке, так сказать, в выборе выражений (ср. [7] и [10]). От Канна – журналиста со знанием региона и военной проблематики, но не экономиста, юриста и администратора – требовались максимально достоверная (насколько возможно) информация и ее первичный анализ, а далее с его отчетом должны были работать специалисты различных ведомств. Автор ответственно подошел к порученной миссии и представил качественную «информацию к размышлению», но кем и как она была конкретно использована, мы не знаем.

Наблюдения и выводы Канна в целом согласовываются с тем, что писали позднейшие авторы различной национальной принадлежности и политической

ориентации, кроме записных пропагандистов. Они признавали, что управление Тайванем до Кодама было репрессивным и неэффективным, что реформы последующего времени связаны главным образом с Гото как разработчиком стратегии, а во многом и тактики колониальной политики, что изучение местных правовых и социальных устоев (результаты которого до сих пор сохраняют научное значение [9, с. 206–221]) способствовало успеху колонизации, что японцы радикально модернизировали остров, сделали его безопасным в санитарно-гигиеническом отношении и добились крупных успехов в экономическом развитии, но действовали прежде всего в интересах метрополии – чего не скрывал и Гото – и с помощью силовых мер, а аборигенная политика так и осталась «слабым местом». Последнее признавали и сами колониальные власти (подробнее [9, с. 64–79, 80–88]).

«Доклад о Формозе» Реджинальда Канны не перевернет наши представления о начальном периоде японского правления на Тайване, но как информативный и добросовестно составленный документ «для служебного пользования» послужит для их верификации и, может быть, корректировки. Он также полезен для изучения европейского восприятия колониальной политики Японии и ее пиаровского эффекта, оказывавшего воздействие на международные отношения.

Канн больше не работал на Дальнем Востоке, но его дальнейшая деятельность как журналиста и аналитика была связана с военной и колониальной проблематикой. Он участвовал в Первой мировой войне и в войне с восставшими риффами в Марокко как корреспондент «L'Illustration» и «Le Temps» в начале 1920-х годов, выпустил книги «Кампании 1914 года» (1915), «Германский план кампании 1914 года и его исполнение» (1923) и «Марокканский протекторат» (1921). В настоящее время он практически забыт (нет даже статьи во французской Википедии), так что публикация «Доклада о Формозе» – хороший повод обратиться к его наследию.

Литература

1. *Bigelow P. Japan and Her Colonies.* London : E. Arnold & Company, 1923. 276 p.
2. *Garnot, Le capitaine [E.]. L'expédition française de Formose, 1884–1885.* Paris : Librairie C. Delagrave, 1894. 10, 234 p.
3. *Goto Shimpei. Formosa (Tai-wan): Its Present Financial and Economic Position.* London : Waterlow & Sons, 1902. 19 p.
4. *Kann R. Journal d'un correspondant de guerre en Extreme-Orient: Japon – Mandchourie – Corée.* Paris : Calmann-Lévy, 1905. 396 p.
5. *Kann R. Rapport sur Formose.* Taipei : Academia Sinica, Institute of Taiwan History, 2001. 342 p.
6. *Reinsch P. S. Colonial Government. An Introduction to the Study of Colonial Institutions.* New York : Books for Libraries Press, 1970 (1902).
7. *Takekoshi Yosaburo. Japanese Rule in Formosa.* London : Longmans, Green, and co., 1907. XV, 342 p.
8. *Молодяков В. Э. Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е - 1930-е годы // Япония. 2016. Ежегодник. М., 2016. С. 156–172.*
9. *Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования.* М. : Институт востоковедения РАН, 2016. 248 с.
10. *Тодер Ф. А. Тайвань и его история (XIX в.).* М. : Наука, 1978. 340 с.

References

- Bigelow, P. (1923). *Japan and Her Colonies.* 276 p. London, E. Arnold & Company.
Garnot, E. (1894). *L'expédition française de Formose, 1884–1885* [The French Expedition to

Formosa]. 10, 234 p. Paris, Librairie C. Delagrave.

Goto, Shimpei (1902). *Formosa (Tai-wan): Its Present Financial and Economic Position*. 19 p. London, Waterlow & Sons.

Kann, R. (1905). *Journal d'un correspondant de guerre en Extrême-Orient: Japon – Mandchourie – Corée* [Journal of the War Correspondent in the Far East: Japan – Manchuria – Korea]. 396 p. Paris, Calmann-Lévy.

Kann, R. (2001). *Rapport sur Formose* [Report of Formosa]. 342 p. Taipei, Academia Sinica, Institute of Taiwan History.

Reinsch, P. S. (1970). *Colonial Government. An Introduction to the Study of Colonial Institutions*. X, 386 p. New York, Books for Libraries Press.

Takekoshi, Yosaburo (1907). *Japanese Rule in Formosa*. XV, 342 p. London, Longmans, Green, and co.

Molodyakov, V. E. (2016). Kolonial'naia politika i modelirovanie obraza Iaponii: Taivan', 1900-e - 1930-e gody [Colonial Policy and Japanese Image Making: Taiwan in 1900–1930]. In *Iaponiia. 2016. Ezhegodnik*, pp. 156–172.

Molodyakova, E. V. (Ed.). (2016). *Taivan' pod iaponskim upravleniem. Novye materialy i issledovaniia* [Taiwan under Japanese Rule. New Materials and Researchs]. 248 p. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN.

Toder, F. A. (1978). *Taivan' i ego istoriia (XIX v.)* [Taiwan and Its History (19th Century)]. 340 p. Moscow, Nauka.

The article was submitted on 16.05.2017